

Г.М. Васильева

Новосибирский государственный институт международных отношений и права

**К истории одного «этноцентрического» перевода:
«Фауст» А.М. Овчинникова**

Аннотация: В статье рассматривается перевод А.М. Овчинникова, далекий от классического канона. Критики XIX века восприняли перевод как ложную, деформированную копию. Переводчик обращается к народной славянской мифологии, к отечественному и восточнославянскому фольклору. Основой обработки послужили фольклорные образцы малых форм – потешки, считалки, небылицы, плясовая песнь. Мы приходим к выводу, что в переводе воплощен преимущественно северорусский комплекс культуры. В лексическом фонде автора преобладают северные говоры (псковские, архангельские, онежские). Мотивы северного фольклора оказались пригодными для описания античности и немецкого культурного своеобразия. «Фауст» Овчинникова превратился в самодовлеющее образование в культуре языка перевода. Данное произведение можно включить в контекст переводов, выполненных не с оригинала, а с другого перевода, и так называемых «псевдо-переводов».

The paper considers A.M. Ovchinnicov's interpretation that is dissimilar to classical canon. In the 19th century this translation was perceived by critics as a false copy. The translator turns to the folk Slavic mythology, Russian and East Slavic folk literature. Such small folk forms as children's poems, counting rhymes, fairy tales, folk dancing songs provided the basis for this translation. We can come to the conclusion that the translation reflects mainly the cultural peculiarities of the Northern part of Russia. The author uses mostly northern dialects (Pskovian, Arkhangelsk, Onega). Northern folklore turned out to be suitable for the description of the ancient world and German cultural uniqueness. «Faust» by Ovchinnicov has become an independent work in Russian culture. This work may be included in the context of translations, made not from the original version, but from another one and so called «pseudo» translations.

Ключевые слова: перевод, фольклорный текст, притча, славянизмы, славянские древности, риторическая парадигма.

Translation, folklore text, parable, slavisms, slavic antiquities, fairy tale, rhetorical paradigm.

УДК: P1: И (Нем).

Контактная информация: Новосибирск, ул. Каменская, 56. НГИМОП. Тел. (383) 2245910. E-mail: vasiljeva_g.m@mail.ru.

Категория оценки: телеология и пространство. «Фауст». Полная немецкая трагедия Гёте, вольнопереданная по-русски А. Овчинниковым» не «присвоена» русским литературным корпусом. Существует единственное прижизненное издание¹. Перу Андрея Михайловича Овчинникова принадлежат также две брошюры. «Награда за откровенность», изданная в Санкт-Петербурге (1852), посвящена со-

---

¹ Страницы указаны в тексте статьи, как и в оригинале, – римскими и арабскими цифрами.

циальным противоречиям предреформенной России. «Партитура Американского животного театра въ Европе, Орбана и Казановы» опубликована в Риге в том же году.

Можно предположить, что писатель вышел из среды старообрядцев. Фамилия «Овчинников» – типичная в этой среде¹. К тому времени в Балтии сложились крупные старообрядческие общины. Были распространены хоры старообрядцев Поморского согласия. В «Русском биографическом словаре» (1902) помещена небольшая статья А.А. Петрова, посвященная «передельвателю «Фауста» Гёте. Автор не указал полное имя переводчика. Российская традиция неуважения к переводческому труду до сих пор выражается в игнорировании имен. Петров отмечает: книга «представляет переделку лишь Второй части “Фауста”, и притом изложенную имъ не “по-русски”, какъ обозначено въ заглавіи, а какимъ-то новымъ, самимъ авторомъ изобретеннымъ языкомъ» [Петров, 1902, с. 83]. Автор словарной статьи подводит итог: «Впрочемъ, никакого литературного значенія она не имеетъ, равно какъ и вся писательская деятельность Овчинникова». В конце статьи Петров приводит названия изданий, в которых были опубликованы небольшие отклики на произведение. При этом допущено несколько ошибок. Например, в качестве одного из авторов указан В.П. Раевский, хотя в действительности фамилия рецензента неизвестна.

Критики восприняли перевод как ложную, деформированную копию. Они писали о ненормализованном языке, в котором смешались элементы разного рода систем. С жестокой радостью ценителей культуры цитировали нескладные стихи. Этот перевод превратили в энциклопедию дурного вкуса и забавных недоразумений. А его строки – в курьезы, литературные и историко-культурные. Многие говорили о совершенно явной «дефективности» текста. Осмеянию здесь подлежало все: жанровое образование, автор, образ доверчивого и необразованного читателя.

Приведем несколько отзывов. Сразу после публикации перевода, неизвестный критик пишет: «Если бы в Англии, где так много странных обществ, существовало общество терпения: то оно назначило б большую премию за прочтение разбираемой книги...» [Москвитянин, 1851, с. 331]. Автор отмечает «неведомой *lingua incognita*, родившийся в бессмертном творении Овчинникова!» [Там же, с. 332]. Очевидна установка критиков представить Овчинникова как писателя «не своего». Рецензент журнала «Современник» иронизирует над «тесным кругом благосклонных рижан». «Желающие ближе познакомиться с произведением г. Овчинникова, могут поступить по примеру благосклонных рижан и приобрести его произведение, которое, по сознанию самого переводчика, сушая притча, и, вдобавок, нерастолкуемая» [Современник, 1851, с. 17]. Автор обзора в «Отечественных записках» цитирует слова Гёте о трех противоположных способах мыслить: «Шотландец старается углубиться “в творение, Француз – понять его, Русский – усвоить. Нет ничего невозможного, что эти три способа мыслить соединятся в немецком читателе”. Тень Гёте! Успокойся и дополни следующее: “желание мое сбылось: в меня углубился, меня понял и усвоил меня г. Овчинников, на берегах Двины, в городе Риге”» [Отечественные записки, 1851, с. 39–40]. Гидроним «Двина» (Даугава) ассоциируется с топографическим рижским локусом, предместьем Риги, – Задвиньем. Оно было удалено от «внутренней Риги», Старого города. Так авторы подчеркивали провинциальность перевода.

Возникает вопрос: что это за перевод «Фауста» – индивидуальная «причуда», новаторский эксперимент, не сыгравший в дальнейшем важную роль, либо опыт освоения уроков западной словесности. Есть соблазн толковать произведение в оценочном плане, ссылаясь на то, что Овчинников – не великий писатель. Такой подход был бы серьезной ошибкой теоретического характера и ложной практиче-

---

¹ Очень признательна за эту информацию члену-корреспонденту РАН Е.К. Ромодановской.

ской установкой. Вместо истории литературы сформировался бы неподвижный «канонический центр». Необходимо сохранить ту часть наследия прежних времен, которую можно назвать маргинальной, или периферийной. В науке – в некоем условном соответствии оценке – выступает понятие констатации как сугубо внутреннего сочетания характеристик изучаемого объекта. Не вызывает сомнений одно: Овчинников был писателем, высоко ценившим проявления низовой и срединной культуры. Они позволяют проникнуть в суть процессов, которые происходят на высоком уровне культуры.

Перевод и классический канон. Контекст перевода. Овчинников впервые в русской культуре переводит стихами вторую часть трагедии. Он ставит просветительскую задачу: восполнить опыт читателя ранее не существовавшей формой. Переводчик говорит о действительно важных для него вещах – своих намерениях, опасениях, достижениях. Автор пишет о себе с оправданной осторожностью: «выполнить его с более соответственным успехом казалось зело задачливо» (X). И далее: «приласкает ее просвещенный читатель как безприхотное творение на литературном поприще, или как Гомункула на “Классическом Шабаше” – это послужит “поощрением”» (XIV). Скромность в суждениях о себе не предполагает самоуничижения – за «оговорочными» формулировками, указывающими на «частичность» и ситуативную обусловленность поэтических достижений автора, следует тезис о таланте: «<...> переводчикъ, хотя бы и не обиженный даром поэзи, становится въ-тупик еще на Первом Действіи...» (IX).

Статус текста (и его связность) типологически близки не авторской литературной традиции, но фольклору и средневековой словесности. За пределами авторской традиции это ближайшие аналоги. Обращение со стилями и жанрами напоминает детское творчество и *Naivkunst*. Овчинников изменяет трагедию до неузнаваемости. Читатель имеет дело с экуменической дидактичностью в духе высказывания Фомы Аквината: «*Nihil potest homo intelligere sine phantasmata*» [Человек ничего не может понять без образов]. Вольный (или свободный) перевод ориентирован на переводящий язык. Можно включить его в следующий контекст.

– Во-первых, переводы, выполненные не с оригинала. Например, П.А. Катенин перевел «Романсы о Сиде» (1822) не с испанского подлинника, но с перевода, исполненного И.Г. Гердером.

– Во-вторых, так называемые «псевдопереводы». Это «*The Poems of Ossian*» Д. Макферсона (1773), тексты Т. Чаттертона, от имени вымышленного им «Томаса Раули, настоятеля».

Овчинников «пересилил» исходный текст и создал «одомашнивающий перевод», *einbürgernde Übersetzung* [Lorenz, 2001, S. 557]. Практика «исправительных переводов» издавна была свойственна французской культуре: так классицисты переводили произведения самых разных стилей. Они были уверены в незыблемости своего вкуса. Эти переводы походили, скорее, на вольные пересказы. Сторонники «вольного перевода» изменяли имена действующих лиц, фабулу произведения. Они изымали из него всё национально-специфическое, чтобы текст соответствовал вкусам читателя. Немцы, имея в виду подобную особенность французской традиции, называют «этноцентрический» перевод *à la française* [Laplanche, 1996, S. 50]. В середине XIX века переводы В.С. Курочкина из Беранже (50–70 гг.) знаменовали эпоху вольного перевода. Он «склонял на русские нравы» и форму, и содержание подлинников.

Одно сравнение дает возможность поиска констант в развитии русской культуры. Г.Г. Шпет приводит свидетельства о переводах Платона в России XVIII и XIX вв. Еще не был выработан концептуальный язык, не было слов, способных противостоять славянизмам. В.Н. Карпов, переводчик Платона (с 1863 по 1879 гг.), критически отзывался о своих предшественниках – М.С. Пахомове и И.И. Сидоровском. Они переводили Платона в XVIII веке и выражались «слишком педантски, без нужды облекая мысль философа в славянские формы», яснее

видели и выдерживали «значение слов, нежели мысли» [Шпет, 2008, с. 65]. Однако, отмечает Шпет, и сам В.Н. Карпов не избавился от ненужных славянизмов: «с тогдашним русским языком можно ли было сделать что-нибудь удачнее?» [Шпет, 2008, с. 64].

«Фауст» Овчинникова как источник реконструкции славянской культуры. Поэт вывел на свет причудливое жанровое образование. Для его позиции архаиста характерно своеобразное литературное «славянофильство». Как и Шишков, он борется за чистоту русского языка против западных влияний. Уходит в поисках немецкой темы к славянской мифологии, народному эпосу, к восточнославянскому фольклору, к латышским и литовским дайнам. Овчинников был начитан в литературе по мифологии. Хорошо разбирался в запутанных деталях различных верований и ритуалов. Его перевод относительно свободен от фактических ошибок¹. Все это свидетельствует если не о глубине, то о широте эрудиции автора. Он провел историко-этнографическое, славистическое исследование: «Надобно было перебрать весь запас наших областных речений, общенародных поговорок и т. п. и при том, для большей выдержки знаменательности оригинала, надо было собраться со всем сказочным духом русского мудрословия» (XI). В этой связи можно вспомнить не только авторские имитации фольклорных текстов, популярные в конце XVIII – первой трети XIX вв., но и многочисленные «народные песни», имеющие конкретного автора.

Семантическая структура сюжета имеет глубокие корни и в фольклоре, и в нравственно-назидательной традиции. Это поистине огромный массив морализаторских сочинений – притч, «эмблемат», «лексиконов», снабженных лубочными иллюстрациями. Подобный архаический «иконографический» пласт был известен многочисленным зрителям «из немудрящих». По определению Овчинникова, «Фауст» Гёте – «притча» (X). Лексема «притча» в Древней Руси обозначала вымысел, имевший благочестивое задание (в отличие от «баснословия» с устойчивыми отрицательными оттенками значения). В притчах обычным приемом стиля была персонификация отвлеченных понятий, наделение их «лицами» и речами. Переводчика интересует истинность слова, которым «притча» выражена. По его убеждению, истина, «жизнь» лежат в области фольклорного слова, вне всякой референции. Он пытается осуществить труд национального самопознания и самосознания. Факт самоописания, как и притча, становится отправной точкой для понимания, оценки сопряженного с ним историко-культурного пространства. Таким образом, на основе немецкого текста Овчинников создает концепцию славянства. В ней доминируют такие категории, как дух, слово, предназначение.

Словарь перевода. Подход переводчика к слову можно назвать лингвистическим или, шире, – филологическим. Он ведет поиск глубоких корней; греко-латинскому корнеслову предпочитает русский народный и славянский корнеслов. Слова внутри языка создают звуковые ряды независимо от их этимологической связи².

---

¹ Впрочем, в псевдобылинных стихах (там, где чувствуется влияние былинной кальки) слова «витязи, воители» – доблестные воины на Руси IX–XIII в. – совсем не характерны. В былинном мире воины сражаются с восставшей земной силой.

² Подобная практика важна для понимания языковых теорий. Х.Г.К. Габеленц сделал наблюдение, что связи диктуются языком. Его высказывание повторили крупнейшие языковеды XX века – от Л. Блумфилда до Р. Якобсона. Представитель Лейпцигской психологической школы А. Веллек показал это на примере «Вальпургиевой ночи» Гёте. Такое понимание поэтического языкотворчества подтверждает идею К. Фосслера: «...Daß es sprachliche Futuristen von jeher gegeben hat und daß es sich um nichts anderes dabei handelt als um die Wiederherstellung eines Ausgleichs zwischen grammatischer Struktur und seelischer Meinung zugunsten der letzteren [Vossler, 1923, S. 129].

Выделив лексические группы, мы приходим к следующему выводу. Диалектология становится для переводчика главным импульсом раскрытия основных лингвистических законов. Изучение процессов живой речи позволяет проникнуть в тайны структуры языка былых периодов. У Овчинникова есть реальная преференция: первозданность языка Поморья хранит подлинно славянский дух. Приведем примеры слов областного диалекта¹:

- «Въ глыбъ» (17), «эдакая фря» (57).
- Мизюрной (60) – арханг. мизюра.
- Взбутуситься (пск.) – встревожиться, подняться. «...Дай / Еще, впоследствии, *взбутуситься* учонымъ! / Мне первенство уступить глупендяй» (82).
- «Наумились» (пск.) – догадаться (88).
- Гуторить (обл.).
- Выторнуть (пск.) – вытолкать. «Зажмурь, вотъ такъ, одно мигальцо, / Да эдакъ *выторни* одно кусальцо / Да *набоченься* эдакъ: люди вмигъ / Тебя сочтутъ за нашъ двойникъ» (147).
- «Набочениться» вместо «подбочениться».
- Облунить – в северных говорах много приставочных образований, в частности, с префиксом *-об* (оболокати, обнадеять, обворить, обмекать). «Ахъ, луну вокругъ кружочикъ / Вдругъ *облунить* лучезарно! / По кружку самъ-другъ попарно / Сель съ голубкой голубочикъ» (163).
- Самъ-другъ (обл.).
- Наянство (пск.) – наглость, нахальство. «Откуда налетели / Съ такимъ *на-яанствомъ*? Словно журавли / Тутъ *раскивикались*» (183).
- Каплюга, каплюжка (обл.) – пьянюшка, пьяница, особенно на чужой счет. «Буянить, какъ въ одури *каплюги*» (183).
- , (вятск., арханг., онеж.) – стыдить, попрекать, корить. «*Щунуть* от непристойной перебранки!» (186).
- *Пристренуть* (арханг.) – случиться, произойти. «Какъ въ Трою отбыла ты средь огня, / То вновь *пристрело* – и пошла *любня*» (187).
- *Знатоха* (новг., пск., твер.) – «Я жъ *знатоха* красоты» (189).
- *Заискать проведы*. Проведь (пск.) – «фозыск». Слово «заискать» образовано по типу диалектных слов «забижать», «завременить», «захотенить». «Моя обязанность, какъ хороведы, / Къ тебе, старейшей, *заискать проведы*, / Всеведка ты, премудра ты, умна, / И къ намъ несчастнымъ расположена! (192).
- *Доможира* (сев. домовитый хозяин). *Гоить* (волог. устраивать). «Блаженъ коль домъ свои *гоить доможира*, / Онъ долго, безъ горя, живеть с семьей» (194).
- *Дока* (обл.) – мастер, мастак, знаток, искусник. «Обаяль же такой *дока* / Прелесту, что ужъ иной / Не сыщешь другой такой!» (217).
- «*ладить звуки*» (мест) (222).
- *Дичина* (обл. охот.). «Въ игре, съ почина, / Хочу шальнуть я; / Вы – будь *дичина*, / Охотникъ будь я» (227).
- *Зюзя* (пск.). Бахус назван именно так: «Зюзе горя нетъ коль съ боку у него всегда сосудъ, / И кругомъ везде запасы впрокъ готовить и пасутъ» (238). «Пасти» употреблялось в значении «припасать, беречь».
- *Жарынь* (обл.). «*Жарынь зардела*» (243). Зардеть (книжн. поэт.).
- *Могутный* (261), арханг. и народно-поэт.
- *Сбердить* (новг., пск., вологод.) – отказаться, оробев, передумать и отступить. «Не *сбердятъ* кулачки!» (261).
- «*Кой*» (обл.). «*Кой* всполохъ меня, далеко / Тамъ, поднялся всполошить?» (300). Всполошить (разг.).

¹ Овчинников использовал в основном диалекты северных областей России. Мы уточняли лексемы по словарям А.О. Подвысоцкого А.О. и А.С. Герда.

– *Изволя*, от «извольный» (влад., пск. – своевольный, самовольный, самоуправный). «Въ изволе не скрепленный» (308).

Концепция связи поэзии с языкотворчеством и мифотворчеством обязана не только фольклору, но и поискам гуманитарных наук – прежде всего, языкознания. Речь идет о тех направлениях, в которых соединяются исследование исторического развития языков с изучением культур. В практике Овчинникова отозвались идеи лингвистов и фольклористов XIX века, например, Ф.И. Буслаева. В этой связи отметим «первопроходческую» деятельность ученых-славистов: А.С. Кайсарова (в области славянской мифологии) и К.Ф. Калайдовича (славяноведение). Первый приобрел европейскую известность как автор труда «*Versuch einer slawischen Mythologie*» (Göttingen, 1804)¹. Второй – как редактор сборника «Кирши Данилова» (1818), собрания русских былин и исторических песен. Они оказали воздействие на национальную школу фольклористики и отечественную литературу XIX столетия.

Славянская «античность». В переводе сосуществуют и сталкиваются разные мифологические системы: например, античная и славянская народная мифология. Овчинников приписывает античным образам собственные значения, те, которые кажутся привычными. Античному мотиву он подыскивал пару и выстраивал антитезу, где каждый элемент манифестировал заложенные в нем значения. Мотивы северного фольклора оказались пригодными для описания античности и немецкого культурного своеобразия. Возникает образ славянской «античности». Границы между отдельными историко-культурными эпохами нарушаются. Происходит возвращение к явлениям, отодвинутым в историческом времени. Переводчик как будто следовал утверждению поэта немецкого барокко – Мартина Опица в его «*Buch von der deutschen Poeterey*» (1624): имена языческих богов неотделимы от поэзии.

Возрождение античности окрашено в тона христианской эсхатологии. Эсхатон – это состояние, снимающее движение времени. Оно приводит к смешению времен. Переводчик освящал наследием Греции западное христианское искусство. Подвергал таинству крещения греко-латинскую культуру. Назвав Аркадию вертоградом, он явно имел в виду образ божественной любви, которая есть сад. «Аркадия, соседственница Спарты. / Аркадия – блаженства вертоград!» (218). Эта дефиниция имеет длительную жизнь в культуре. Вертоград (церк.-слав.) встречается в средневековой гимнографии, в хвалебных жанрах – в применении к Богоматери и святым.

Славянские поверья о борьбе с противником, о фантастических существах появились с византийскими и римскими апокрифическими сказаниями. Они представляли собой пересказы сочинений античных писателей об устройстве земли («Книга Еноха», «Козмография»). Источником подобных легенд могли послужить и греческие пересказы «Одиссеи» Гомера. Они пришли в культуру восточных славян в отрывках (так же вместе с апокрифическими сказаниями).

Поэтика «вольнопереведенной» трагедии в немалой степени ориентирована на гомеровский эпос. Лексика, фразеология имеют печать близкого знакомства переводчика и со сказаниями, и с творчеством Н.И. Гнедича. Автор «Рождения Гомера» и перевода «Илиады», он фактически изобрел искусственный аналог языка греческого эпоса. Искал те или иные средства показать архаику текста. Гнедич переводил новогреческие народные песни из антологии К.-Ш. Фориэля: «*Les chants populaires de la Grèce moderne*» (1824–1825).

Влиянием переводов Гомера обусловлена лексико-стилистическая архаизация «Фауста» Овчинникова. Гомеровский стих повлек за собой совершенно особую стилистику – архаические слова и обороты, составные эпитеты, причастные

---

¹ На русском языке «Славянская и российская мифология» издавалась в 1807 и 1810 гг.

формы, усложненный синтаксис. Многосложные слова, нарочито «гомеровские» формульные эпитеты не умещаются в короткие метры. – «злородчивая» (188); «злоковарливая», «злехотящая», «благомнящей», «полбдящии», «полспящии» (308); «медовосладенский» (317). Автор использует модели словообразования так называемых «длинных слов». Они позволяют свободно превращать развернутые предложные и предикатные конструкции в слитные термины. Возникают сложно-составные неологизмы, различные типы сложных слов с присущей им компресси-ей синтаксиса и семантики: «чудовидныя здания» (201) – ср. чудновидный (арханг.). Выражение «групп чудочудечный» (189) связано со словами «чудой, чудь» (арханг.) и т. д. Нерей говорит о Доридах: «поморския богини / Похорошели – только бь посмотреть! / Что против нихъ олимпския чечени? / Девятый валъ перестает шуметь. / Когда въ-поскокъ Нептуновы изрени / Доридъ везуть чрезъ Океанъ домой! / Люли! Навстречу голосаъ тюлени / И имъ загривокъ подставляють свой» (153). Нимфы-нереиды (дочери Дориды, супруги Нерея) превращаются в дорид, «поморских богинь» – нечто вроде Зеваны (Деваны), богини охоты у поморских славян (аналог зап.-слав. Дзеваны). Переводчик создает запутанные, сложные ассоциативные ряды со своим источником, «скрывает» сакральный сюжет в имени аллегорической фигуры, в вещи-символе.

Подведем итог. Данный перевод – эпизод из жизни славянофильской идеи. Речь идет об идее самоопределения русской культуры, которая не связана с историческим славянофильством¹. Вероятно, перевод сделан выходцем из старообрядческой среды. Со старообрядческой литературой его роднит стремление к сохранению старинных форм языка и стиля. Переводчик вполне сознательно ориентировал свои поэтические ценности на фольклор, древнерусскую национальную культуру. Он не ограничивался реминисценциями, но как бы цитировал «стилевой опыт» фольклорных жанров. Получилась «маленькая трагедия», стилизованная под лубок. Здесь явлен «вторичный синкретизм» жанров, синтез категорий эпического, лирического и драматического (а также дидактического).

В переводе можно прочесть важную историко-культурную информацию: воплощен *северорусский комплекс культуры*. Северные земли называли «русской Фиваидой». Они были усеяны монашескими обителями, общинами старообрядцев. Диалекты и родственные языки указывают на альтернативную историю родного языка, обнаруживают корни, этимологии, раскрывают логику развития. Их информация может быть и правдивой, и ложной. Лексика представляет в своей основе систему диалектов, несущих в себе память множества употреблений, неологизмов и окказионализмов.

Стиль связан с образом имплицитного автора – народного философа-самоучки, читавшего ученые книги и стремящегося быть по-ученому убедительным. Происходит сплав таких несовместимых элементов, как народное любомудрие (сопряженное с малограмотностью), «сциентизм» и лиризм. Овчинников отказывается от «официальной» позиции писателя в пользу позиции простого, «естественного» человека, – своего рода Адама, впервые называющего вещи и явления. При этом язык стал не ино-язычием, но косно-язычием. Коннотативный ореол слова «косноязычие» изменился только в XX веке. Подобное косноязычие червато погружением в мучительное состояние «томления по пониманию». Овчинников, поэт-заумник, обладал лингвистической и литературоведческой эрудицией. По-настоящему переводчик «совпадает» с Гёте именно в понимании вдохновения, возможности свободного движения по всем неукоснительным путям жиз-

¹ Философ-мусажетовец А.К. Топорков издал в 1915 г. под псевдонимом А. Немов книгу «Идея Славянского Возрождения». При этом он был учеником Т. Липса, основателя Мюнхенского психологического института, и специалистом по европейской культуре: писал об античности, Гёте, Италии.

ни. Русский поэт исполнен радости от своего сумбурно пылкого дарования. Доведение к вдохновению как единственному вожатому обосновано не только самобытностью Овчинникова. Оно развивалось на пути особенно трудном: внимательного изучения правды собственной личности и особых примет своего таланта – без прямого участия в литературной жизни.

Данный текст не является высоким художественным словом. Точнее, наша эстетическая потребность не может быть удовлетворена таким решением. Однако переводчик парадоксально воплотил в своем творчестве «вышнюю ученость» интеллектуалов эпохи и парадигмы ее простецов. Можно выявить не только приметы курьеза, но любоваться прелестным простодушием безвозвратно ушедшего прошлого. Смешивая ученый дилетантизм с проблесками ясновидящего таланта, поэт смешил одних и изумлял других.

Литература

Отечественные записки – [Имя рецензента не указано]. Отечественные записки. СПб., 1851. Т. 79. С. 39–40.

Петров А.А. Овчинниковъ А. // Русский биографический словарь: Обезьяниновъ – Очкинъ. СПб., 1902. Т. 12.

Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его о бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд: В 6 вып. СПб., 1994–2005.

Современник – [Имя рецензента не указано]. Современник. СПб., 1851. Т. 30. Отд. V. С. 13–23.

Фаустъ. Полная немецкая трагедия Гёте, вольнопереданная по-русски А. Овчинниковым. Рига, 1851. Часть вторая, в 5-ти действиях.

Москвитянин – [Имя рецензента не указано]. Фаустъ. Полная немецкая трагедия Гёте, вольнопереданная по-русски А. Овчинниковым // Москвитянин. М., 1851. № 22. С. 331–343.

Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. М., 2008.

Laplanche J. Die Mauer und die Arkade // Laplanche J. Die unvollendete kopernikanische Revolution in der Psychoanalyse. Frankfurt am Main, 1996. S. 45–65.

Lorenz S. Übersetzungstheorie, Übersetzungswissenschaft, Übersetzungsforschung // Grundzüge der Literaturwissenschaft. München, 2001. S. 555–558.

Vossler K. Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie. München, 1923.